

**Николай Иванович
ПИКУРОВ,**

профессор кафедры
уголовного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
nipikurov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

«Заведомость» как элемент конструкции уголовно-правовой нормы: проблемы квалификации преступлений

Аннотация. На основе изучения природы «заведомости» как особой конструкции, включенной в составы многих преступлений, выявлены особенности толкования уголовного закона, содержащего ссылку на заведомость, и проблемы квалификации преступлений, заключающихся в распространении заведомо ложной информации. В условиях цифровизации коммуникативного пространства и появления бесчисленного множества источников информации лицо может распространять ложные сведения под влиянием заблуждения. Предлагаются варианты изменения некоторых уголовно-правовых норм с тем, чтобы уменьшить возможность объективного вменения при квалификации деяния, совершенных в ситуациях чрезвычайного характера, в условиях которых трудно либо невозможно проверить достоверность информации.
Ключевые слова: Природа «заведомости»; осознание лицом особых свойств преступления; заведомо ложная информация; проблемы доказывания заведомости.

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.116.4.066-074

Nikolay I. PIKUROV,

Professor of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Professor
nipikurov@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Reliable Knowledge as an Element of the Design of a Criminal Law Norm: problems of qualification

Abstract. Based on the study of the nature of reliable knowledge as a special construct included in many crimes, the peculiarities of the interpretation of the criminal law containing a reference to knowledge and the problems of qualifying crimes involving the dissemination of knowingly false information are identified. In the context of digitalization of the communication space and the emergence of countless sources of information, a person can spread false information under the influence of delusion. Options are proposed for changing some criminal law norms in order to reduce the possibility of objective imputation when qualifying acts committed in emergency situations, in which it is difficult or impossible to verify the accuracy of information.

Keywords: the nature of the construction of “knowledge”, awareness by the person of the special properties of the crime, knowingly false information, problems of proving knowledge.

Слово «заведомость» отсутствует в словарях русского языка, однако оно достаточно часто встречается в юридической литературе при обозначении сложного явления, характеризующего осознание лицом определенных обстоятельств либо свойств орудий и средств, используемых для достижения преступных целей, особенностей предмета посягательства на охраняемые уголовным законом ценности, свойств самих этих ценностей.

Введение в научный оборот этого термина вызвано необходимостью обозначения разных вариантов конструкции с использованием слова «заведомо». Сам по себе этот термин не может характеризовать какое-либо свойство преступления, поскольку наполняется смыслом только в соединении с тем или иным признаком состава преступления. Не предусмотренный словарями термин «заведомость» можно рассматривать в качестве рабочего инструмента при исследовании содержания уголовно-правовой нормы. Он включает в себя различные сочетания интеллектуального и волевого компонентов субъективной стороны с признаками объекта и объективной стороны преступления, относящимися к отдельным элементам и признакам состава преступления.

В силу того, что семантика слов «заведомо», «заведомый», «заведомое» прежде всего касается осознания какого либо обстоятельства или свойства предмета, орудий, средств совершения преступления, в юридической литературе термин «заведомость» рассматривается обычно в разрезе субъективной стороны состава преступления. Несмотря на то, что рассматриваемый термин имеет отношение к его субъективной стороне, его нельзя рассматривать в качестве ее самостоятельного признака. На это вполне обоснованно указывает в юридической литературе. Так, А. И. Рарог относит термин «заведомость» к числу особых технических приемов для характеристики субъективной стороны¹.

Использование в законодательной технике конструкции заведомости вызвано необходимостью дифференциации интеллектуального, а в некоторых случаях и волевого компонента психического отношения лица к совершаемому деянию. Дело в том, что формы вины конструируются в зависимости от отношения лица к свойствам своего деяния (осознавал или не осознавал общественную опасность своих действий или своего бездействия) и к возможности наступления последствий (предвидел или не предвидел возможность их наступления, желал, допускал, относился безразлично, осознавал неизбежность наступления, не желал его). Дальнейшая же дифференциация психического отношения требует введения дополнительных критериев, в данном случае компонента заранее осознанных лицом обстоятельств совершения преступления, свойств предмета посягательства, средств или орудий совершения преступления и т.д.

Анализ составов, в которых имеется данная конструкция, показывает, что она используется либо для подчеркивания более высокой степени опасности деяния путем включения ссылки на заведомость в описание квалифицированного состава преступления (например, к числу отягчающих обстоятельств убийства отнесено беспомощное состояние потерпевшего, о чем заранее было известно виновному (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ)), либо для отграничения преступления от

¹ Рарог А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практич. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009.

проступка (привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности является преступлением (ст. 299 УК РФ)), а при отсутствии признака заведомости деяние может рассматриваться как дисциплинарный проступок следователя или дознавателя.

Несколько иное значение придается конструкции заведомости в нормах Общей части УК РФ. Например, в ч. 3 ст. 41 УК РФ для обоснования характера риска законодатель указывает, что он не признается обоснованным, если был заведомо сопряжен с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия либо с угрозой для жизни многих людей; в ст. 42 УК РФ говорится о том, что неисполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность.

В то же время в отдельных нормах данная конструкция используется, как и в Особой части, для отражения более высокой степени опасности содеянного. Среди обстоятельств, отягчающих наказание, законодатель, например, упоминает совершение преступления в отношении женщины, которая заведомо для виновного находилась в состоянии беременности (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Заметим, что, если исходить из результатов грамматического толкования (в частности, грамматических форм и пунктуации), можно сделать вывод, что эта конструкция в том же пункте ч. 1 данной статьи не относится к случаю совершения преступления в отношении малолетнего.

Точно так же во всех нормах Особой части преступление, совершенное в отношении малолетнего, не дополняется ссылкой на конструкцию заведомости (ст. 105, 111, 112, 245 УК РФ и др.). Из этого можно сделать вывод, что особенной уязвимости, слабой защищенности малолетних достаточно для того, чтобы придать этому обстоятельству отягчающий характер, независимо от того, сознавал ли виновный заранее, что совершает преступление в отношении малолетнего, допускал ли такую ситуацию либо относился к данному обстоятельству безразлично.

В этом плане интересны мотивы «за» и «против» использования конструкции заведомости при обсуждении проекта федерального закона, направленного на усиление уголовной ответственности за совершение преступлений против несовершеннолетних. Комитет Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей, поддерживая исключение заведомости в отношении возраста несовершеннолетнего в новой редакции ст. 131, 132, 242 УК РФ, возражал против того, что этот термин оставлен в ст. 134 и 135 УК РФ. В заключении Комитета указано, что наличие в действующей редакции норм гл. 18 УК РФ «признака заведомости осознания виновным возраста потерпевших существенно снижает правовую защищенность детей — жертв сексуальных преступлений, создает предпосылки для ухода преступников-педофилов от уголовной ответственности»².

Из этой дискуссии можно вывести еще один вывод относительно двойственной функции конструкции заведомости — она не только может свидетельствовать о повышенной общественной опасности содеянного, но и, соответственно, повышать планку доказывания этого признака. Если применительно к свойствам потерпевшего использована конструкция заведомости, необходимо доказать осведомленность лица о таком признаке, если же данная конструкция в диспозиции

² URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/215694-5>.

нормы отсутствует, достаточно доказать, что лицо по крайней мере допускало наличие данного обстоятельства либо относилось к этому безразлично.

Заведомость обычно рассматривается в юридической литературе применительно к конкретным составам преступлений, но основные положения таких публикаций в принципе позволяют определить общие для всех составов признаки данной конструкции³. Концентрация нашего внимания на этом элементе конструкции уголовно-правовой нормы связана с попытками выявить природу данного явления и на этой основе разработать общий подход к разрешению проблем, возникающих в процессе применения уголовно-правовых норм, содержащих ссылку на заведомость.

Особый интерес к этой законодательной конструкции вызван также тем, что при квалификации преступления, состав которого включает заведомость, наиболее очевидным образом проявляется фактическая неразрывность субъективного и объективного элементов. Так, раскрывая содержание квалифицирующего признака преступления против жизни — убийства потерпевшего, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание на необходимость устанавливать в единстве как фактические обстоятельства, свидетельствующие о наличии такого состояния (болезнь, престарелый возраст и т.п.), так и признаки интеллектуального компонента умысла — осознания перечисленных обстоятельств лицом, совершающим убийство.

Следует заметить, что конструкция заведомости используется для раскрытия содержания состава преступления не только в тех случаях, когда она прямо упомянута в УК РФ, но и в процессе толкования нормы в отсутствие ее упоминания в законе. Пленум Верховного Суда РФ, разъясняя смысл признака убийства с особой жестокостью, в п. 6 упомянутого выше постановления отмечает, что близким для потерпевшего лицом могут быть лица, состоящие с ним в родстве, свойстве, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых «заведомо для виновного» дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений. То есть перечисляется примерный круг обстоятельств, совокупность которых доказывает характер отношений с потерпевшим.

Используя наречие «заведомо» в сочетании с разными признаками состава преступления, законодатель тем самым диктует необходимость привести доказательства, подтверждающие осознание виновным конкретных свойств совершаемого деяния именно с той степенью детализации, которая указана в норме УК РФ. Здесь особенно заметной становится неразрывная связь материально-правовой и процессуальной сторон квалификации преступления. Последнее, в частности, хорошо заметно на примере многих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам.

Например, перечисляя круг обстоятельств, которые могут подтверждать признак заведомого отсутствия у лица желания исполнять взятые на себя

³ См.: *Балекина В. М.* Понятие заведомо недостоверной информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, в праве // Административное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 1—12 ; *Саркисян А.* Незнание о достоверности не тождественно знанию о ложности. Проблемы толкования и применения критерия «заведомости» клеветы // Адвокатская газета. 24.03.2023.

обязательства при мошенничестве, Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении, посвященном практике рассмотрения такого рода уголовных дел, относит к ним использование при заключении договора поддельных документов, подложных гарантийных писем и справок, сокрытие залога имущества и задолженностей, а также иных обстоятельств, подтверждающих отсутствие намерения исполнить обязательства. При этом Пленум указывает, что сами по себе перечисленные обстоятельства не могут предрешать вывод об отсутствии желания и возможности исполнить обещанное. Подобный вывод делается лишь с учетом всех обстоятельств дела⁴.

Наиболее распространенным вариантом использования конструкции заведомости является формулирование с ее помощью составов распространения заведомо ложных сведений или представление заведомо ложной информации. В качестве классического примера можно назвать клевету — распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица. Эту норму можно отнести к числу достаточно древних запретов, однако с появлением новейших технологий получения и распространения информации, с образованием новой сферы жизни человека — виртуального пространства с возможностями быстрой передачи аудио- и визуальной информации, с сайтами, аккаунтами, страницами в сети Интернет и прочими коммуникационными платформами, посягаательства на честь и достоинство человека приобрели качественно иной характер.

Кроме того, перенесение данного деяния в информационное пространство стало вполне осязаемо задевать не только частные, но и публичные интересы. Появились новые преступления, связанные с распространением заведомо ложной информации, объектом которых становятся уже не только честь и достоинство, но и общественная безопасность (см., например, ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ). В этих условиях практика как бы проверяет на прочность конструкцию заведомости применительно к новым информационным формам совершения преступления.

В связи с этим возникает необходимость анализа ложной информации в современном ее понимании и на уровне законотворчества, и на стадии правоприменения.

Заведомая ложь представляет собой суждение, в котором:

- 1) утверждается какой-либо факт, который в действительности не существует, о чем субъект осведомлен (например, наличие у лица полномочий на заключение договора от имени юридического лица, хотя никто таких полномочий субъекту не предоставлял);
- 2) отрицается существование факта, имевшего место в реальной действительности (например, заемщик в подтверждение своей кредитоспособности ссылается на то, что у него нет существенных долговых обязательств перед другими лицами, несмотря на то, что такие обязательства существуют);
- 3) утверждается наличие у предмета договора купли-продажи определенных свойств, признаков качества, которые определяют высокую цену продаваемого объекта, когда в действительности такими свойствами объект не обладает;

⁴ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». П. 4 // СПС «КонсультантПлюс».

4) утверждается отсутствие у предмета сделки обременений (например, в виде залога, хотя недвижимость находится под залогом).

Этот список вариантов заведомо ложных суждений может быть бесконечным, насколько хватает фантазии лиц, совершающих преступление, но главным, что объединяет эти варианты, является то, что они касаются не субъективного мнения, а именно фактов, информацию о которых можно проверить, т.е. доказать или опровергнуть утверждение лица.

Изучение практики применения правовых норм, предусматривающих ответственность за распространение заведомо ложной информации, показывает, что по делам о защите чести и достоинства пострадавшие от распространения ложной информации гораздо активнее обращаются к исковой форме защиты чести и достоинства, что вполне понятно: по таким делам не истцам надо доказывать ложность информации, а ответчикам подтверждать ее соответствие действительности. Обязанность обосновывать характер сведений лежит на тех, кто их распространил.

В уголовном деле ситуация противоположная. Доказывать ложный характер информации и наличие у лица представления о ее ложности обязана сторона обвинения. Казалось бы, в условиях развития современных цифровых технологий появляется больше возможностей доказывания ложного характера информации, однако в действительности получается противоположная ситуация.

Во-первых, проблемным является определение степени ложности. Информация может быть недостоверной в полном объеме (когда, например, сообщается о произошедшем событии, которого в действительности не было), либо частично некорректной. К примеру, лицо, в отношении которого распространялись сведения, действительно было привлечено к уголовной ответственности, но не за получение взятки, а за превышение должностных полномочий. Эти сведения также способны причинить ущерб репутации должностного лица, но не в такой степени, как заявление о том, что он уличен в коррупции. В такой ситуации есть основания для признания сведений ложными, порочащими честь и достоинство потерпевшего. Если же распространитель информации, например, в опубликованной статье, заведомо неправильно указал сумму взятки, полученную осужденным лицом, наличие состава клеветы уже может быть под сомнением.

Во-вторых, проверка достоверности или недостоверности фактов, на которые ссылается распространитель сведений, может быть объективно затруднена в связи с наличием обстоятельств, не позволяющих в сложившихся условиях оценить уровень достоверности информации. Например, сложно подсчитать количество жертв, о которых шла речь в сообщении о стихийном бедствии, либо в условиях проведения военных действий и т.п.

В-третьих, к числу самых сложных элементов доказывания можно отнести установление осведомленности лица о том, что факт, о котором он сообщает, в действительности не существует. По смыслу конструкции заведомости лицу достоверно должно быть известно о ложном характере распространяемой им информации. Однако в некоторых случаях сложно отграничить намеренную ложь от заблуждения лица.

Изучение практики применения норм об уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации показывает, что в условиях,

затрудняющих установление уровня достоверности или ложности сообщения, а также при наличии множественности информационных источников о каком-либо событии или происшествии правоприменитель обращается к источникам сведений, содержащимся в официальных документах органов власти, например, к официальным сообщениям, которые были доступны для всех граждан. Истинность или ложность информации в таком случае по сложившейся практике определяется исходя из содержания таких официальных сообщений. Перенос значения заведомости с самого факта на его официальную интерпретацию достаточно часто встречается в судебных решениях.

При таком подходе к толкованию смысла уголовного закона получается, что общественная опасность запрещаемого деяния заключается в распространении непроверенных сведений, ставших известными лицу от других граждан или СМИ, которые не озабочены проверкой их достоверности. В решениях суда, например, указывается на то, что «согласно официальной информации Министерства обороны Российской Федерации, изложенная выше информация (распространяемая Н.) носит ложный характер и не является достоверной»⁵; «О ложности опубликованных осужденным сведений об обстреле дома также свидетельствует информация Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации от 4 июня 2022 г. № 312/5/5561... согласно которой выложенная осужденным информация носит ложный характер и не является достоверной»⁶.

Следует заметить, что ссылка на официально опубликованные документы в подтверждение характера распространяемой информации практиковалась и по делам о клевете (ст. 128.1 УК РФ), о публичном распространении заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК) и др.

Об основаниях ответственности за распространение информации, которая может навредить ведению военных действий, породить панику, писалось еще в Артикуле воинском Петра I. Так, в Артикуле 128 указано: «Как офицеры, так и рядовые да не дерзают о воинских делах, о войске, о крепости что писать, ниже о том с другими корреспондовать, под потеряннем чина, чести или по состоянию дела и живота самага». В толковании к нему отмечалось: «В сем случае запрещается для того так жестоко о войске, или из крепости о воинских делах что писать, дабы неприятель тем ведомости о войске или о состоянии крепости не получил, и свои дела потом толь осторожнее учредить возмог»⁷.

Такие действия лица, транслирующего непроверенную информацию, охватываются понятием «распространение слухов». Если мы обратимся к истории развития советского уголовного законодательства в период Великой Отечественной войны, то заметим, что именно этим термином были названы сходные действия в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 06.07.1941 «Об ответственности

⁵ См.: апелляционное определение Тверского областного суда от 22.02.2024 по делу № 22-295/2024 по делу Н., осужденного по ст. 207.3 УК РФ.

⁶ См., например: апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 19.02.2024 по делу № 22-618/2024.

⁷ Артикул воинский 26 апреля 1715 г. // Инструкции и Артикулы военные и краткие примечания к ним. Глава 16.

за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». За распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 5 лет.

Представляется, что использование термина «распространение слухов» вместо «распространение заведомо ложной информации» более точно отражало суть такого рода общественно опасных деяний. Норма, запрещающая распространять непроверенные сведения в условиях, когда ознакомление с ними может вызвать панику или привести к формированию негативного общественного мнения, является более определенной, чем норма с конструкцией заведомости, которая предполагает наличие у лица точного представления о том, что сведения не соответствуют действительности. Соответственно, при таком способе формулирования уголовно-правового запрета уменьшаются риски объективного вменения в случаях, когда лицо, распространяющее сведения, может быть уверено в их правдивости.

Запрет распространять не подтвержденные официальными источниками информации сведения, касающиеся строго определенных фактов, конечно же, связан с ограничением в этой части свободы распространения информации, но при таком подходе в качестве компенсации можно отметить, что создаются дополнительные гарантии от необоснованного привлечения к уголовной ответственности при заблуждении лица относительно правдивости содержания информации.

Таким образом, исследование конструкции заведомости в современном уголовном законодательстве, а также практики применения уголовно-правовых норм показывает, что этот законотворческий прием используется, с одной стороны, в качестве средства дифференциации уголовной ответственности при конструировании криминообразующих и отягчающих наказание признаков состава преступления, а с другой — выступают гарантией против необоснованной уголовной репрессии в случаях, когда требуется специально доказывать осознание лицом определенных свойств совершаемого деяния, в частности особенностей предмета, средства и орудий преступления, характера представляемой или передаваемой информации, особого статуса потерпевшего либо неспособности противостоять совершаемому против него посягательству.

В силу природы такой конструкции она требует от правоприменителя более высокого, чем обычно, стандарта доказывания. Такие стандарты известны в рамках гражданского процесса, что отражено, например, в практике Верховного Суда РФ по делам о банкротстве⁸. Введение таких стандартов по делам о преступлениях о распространении заведомо ложных сведений позволило бы свести к минимуму основания для оспаривания решений, в основе которых лежит обоснование ложного характера информации со ссылкой на официальные документы,

⁸ Шестало С. С. По каким делам применяется повышенный стандарт доказывания в судебном процессе? Вопрос — ответ // СПС «КонсультантПлюс». 2024.

Об опровержимости презумпции, повышенном или пониженном стандарте доказывания см. также: Козлов М. А. *Prima facie*: стандарт доказывания или презумпция // Российский юридический журнал. 2023. № 2. С. 71—82.

дающие оценку определенным фактам, и на объективную возможность лица ознакомиться с такими официальными документами.

Представляется, что повышению степени определенности уголовно-правового запрета и, соответственно, повышению возможности доказывания может способствовать перенос акцента в признаках субъективной стороны с осознания заведомой ложности передаваемого сообщения или иной информации на тот факт, что лицо распространяет такую информацию, не обладая достоверным источником ее получения, пользуется слухами и т.п., чем причиняет ущерб охраняемым уголовным законом интересам, например, частным лицам при клевете, органам государственной власти при распространении не соответствующих действительности сведений, касающихся деятельности таких органов (по принципу: из двух зол выбираем меньшее). Однако сфера такого запрета, естественно, должна быть ограничена и, как правило, связана с чрезвычайными ситуациями.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Балекина В. М.* Понятие заведомо недостоверной информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, в праве // Административное и муниципальное право. — 2022. — № 2. — С. 1—12.
2. *Козлов М. А.* Prima facie: стандарт доказывания или презумпция // Российский юридический журнал. — 2023. — № 2. — С. 71—82.
3. *Саркисян А.* Незнание о достоверности не тождественно знанию о ложности. Проблемы толкования и применения критерия «заведомости» клеветы // Адвокатская газета. — 24.03.2023.
4. *Рарог А. И.* Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практич. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2009.
5. *Шестало С. С.* По каким делам применяется повышенный стандарт доказывания в судебном процессе? Вопрос — ответ // СПС «КонсультантПлюс».